

Дворецкий, услышав эти слова, поднялся наверх и принес спрятанный там домашний хлыст для наказаний. Этот хлыст был сделан из особого материала и служил для того, чтобы наказывать провинившихся в доме. Поэтому, когда человека секли этим хлыстом, боль была невыносимой, а на теле оставались глубокие раны, словно кожа разрывалась в цветах.

Вэнь Гули, глядя на гнусное лицо этой женщины, почувствовал тошноту. Ему захотелось уйти, он не желал оставаться с этими двумя людьми. В этот момент дворецкий спустился с хлыстом.

Вэнь Хуайюй приказал слугам:

— Схватите его! Немедленно схватите его!

Несколько слуг тут же набросились на него, схватили за руки и скрутили.

Вэнь Гули хотел уйти, но не мог. В отчаянной попытке вырваться он вдруг почувствовал, как хлыст с силой опустился на него. От резкой боли он судорожно вдохнул воздух — тело словно разрывалось на части. За первым ударом последовал второй.

Вэнь Хуайюй, продолжая бить, спрашивал:

— Вэнь Гули, признаешь ты свою вину или нет? Если сейчас же извинишься и поклонишься своей мачехе, я прощу тебя. А иначе я буду бить тебя, пока не признаешься.

Вэнь Гули был человеком невероятно упрямым. Как бы его ни били, он хранил молчание, не произнося ни слова.

Вэнь Хуайюй, видя его стойкость, задохнулся от злости и нанес еще несколько ударов, пока сам не устал. Спина юноши была истрепана, одежда порвана, кровь сочилась наружу. Но он стиснул зубы и продолжал молчать, демонстрируя невероятное упрямство.

Когда Вэнь Хуайюй уже собирался продолжить, вдруг выбежала кормилица. Увидев, что над ним издеваются, она бросилась вперед, обняла его и, плача, стала умолять Вэнь Хуайюя:

— Господин, не бейте больше! Хватит! Молодой господин ведь еще ребенок, он же ваш сын! Как такое маленькое тело выдержит? Пожалуйста, больше не бейте, господин, умоляю вас!

Увидев это, Вэнь Хуайюй устал от побоев. Он бросил хлыст в сторону и перестал. Затем он взял Сун Сеи и отвез ее в больницу.

Когда Вэнь Гувэнь проходил мимо, он специально толкнул его.

Вэнь Гули, уже истративший все силы на то, чтобы стоять, после толчка рухнул в сторону. Он, хоть и был упрямым человеком, но после такой жестокой порки не мог остаться в сознании. В момент падения он отключился, все его тело стало ледяным.

Кормилица, увидев это, перепугалась.

Она поспешила вынести его наружу, чтобы найти врача и показать раны.

Обычно при болезнях в доме сразу вызывали семейного врача, это было удобно и никто не хотел искать других. Но сейчас семейный врач отказался приезжать, так как господин не отдавал таких распоряжений. Кормилица звонила, но врач не ехал. Ей ничего не оставалось, как самой вести его к врачу.

Больница была далеко. Они сели в рикшу, и к моменту прибытия в больницу Вэнь Гули был уже при смерти — выглядел ужасно.

На кормилице были следы его крови. Он был в коме, а раны от хлыста воспалились, вызвав высокую температуру.

Врач, увидев его, испугался и все говорил кормилице, что будь они чуть позже, человек бы погиб. Как же можно так жестоко избить ребенка? Какая же жестокость нужна, чтобы довести его до такого состояния?

К счастью, помощь подоспела вовремя, и его удалось спасти. Но раны нужно было долго лечить, иначе останутся шрамы. Хотя для мужчины шрамы — не беда, но все же выглядят они неприятно.

Кормилица поблагодарила врача и осталась у кровати, ожидая, когда он очнется.

Он пришел в себя только следующим утром. Проснувшись, он попросил воды. Выпив, он схватил кормилицу за руку и едва слышным, умирающим голосом сказал:

— Кормилица, я хочу уехать отсюда. Я немедленно уеду, я не буду здесь оставаться.

Кормилица, услышав эти слова, сильно испугалась и стала уговаривать его:

— Ох, мой молодой господин, на что ты себя обрекаешь? Куда ты пойдешь? Ты же ребенок этого дома. Если ты уедешь, разве это не будет на руку той женщине? К тому же, если ты уедешь, ты просто отдашь весь дом этой женщине. Так что не думай об этом. Куда ты пойдешь?

Вэнь Гули был упрям, как осел. Слушая кормилицу, он упрямо повторял одно и то же:

— Я хочу уехать отсюда. Я сейчас уеду, я не останусь здесь.

Кормилица ничего не могла поделать. Видя, как его избили, она понимала, что если он вернется, его снова будут унижать. С детства его били, старые раны не успевали заживать, как появлялись новые. Кормилица не хотела видеть, как он страдает, поэтому спросила:

— Тогда скажи мне, господин, куда ты хочешь поехать? Кормилица поедет с тобой. Я вырастила тебя с малых лет и считаю тебя своим ребенком. Если тебя не станет, я не смогу жить. Поэтому кормилица поедет с тобой и будет заботиться о тебе. Куда ты хочешь поехать? Я поеду с тобой и буду ухаживать за тобой.

Вэнь Гули вспомнил, что когда он был маленьким и мама еще была жива, она говорила ему: как только пройдет Праздник Весны, она повезет его на юг, в городок в Цзяннани. Она говорила, что там мягкий климат и очень красивые пейзажи, что все северяне мечтали побывать на юге. У мамы тоже было это желание, но папа был постоянно занят работой и не обращал на нее внимания, так и не повезя их.

Позже мама так и не смогла отвезти его в тот городок на юге, поэтому теперь он хотел сам поехать жить в то место, о котором говорила мама. Куда она не успела его отвезти, туда он отправится сам.

Кормилица, услышав это, тоже вспомнила, что при жизни молодая госпожа часто говорила, как хочет съездить на юг, но господин все время был занят и откладывал поездку.

Она вернулась, собрала его вещи и свои, и они уехали, даже не попрощавшись с Вэнь Хуайюем. Вэнь Гули запретил ей говорить ему.

После того как тот мужчина так жестоко высек его в этот раз, Вэнь Гули считал его своим злейшим врагом. С этого дня он больше не признавал этого мужчину своим отцом и не хотел признавать, что такой отец у него есть.

С детства он жаждал отцовской любви, хотел, чтобы отец хотя бы посмотрел на него, но отчаяние накапливалось с каждым разочарованием.

...

Вэнь Гули покинул дом, и никто этого не заметил. Вэнь Хуайюй обнаружил исчезновение старшего сына только спустя три дня. Слуги сказали, что он уехал с кормилицей и не возвращался уже три дня.

Он пришел в ярость.

Сун Сеи стояла рядом с самодовольной улыбкой, но на лице ее изображалась глубокая тревога. Она подошла и стала успокаивать его:

— Дорогой, не злись. В конце концов, дети уже выросли. В этом возрасте у них переходный период, нормально, что они бунтуют и идут наперекор. Тебе нужно быть снисходительным, ведь в твоём возрасте ты тоже был непоседой, и управлять тобой было трудно. Так что не дави на него слишком сильно. В этом возрасте такие вещи — норма. Ведь он уже почти взрослый. Поэтому не ищи его. Пусть он пострадает снаружи, немного побьётся, тогда поймет, как хорошо дома, и сам вернется. Если ты начнешь его искать, он и дальше будет использовать этот метод, чтобы шантажировать тебя, и его станет еще труднее контролировать. Так что не ищи его, дай ему пережить трудности там, снаружи, он поймет, что дома лучше, и сам послушно вернется.

Вэнь Хуайюй хотел было послать людей на поиски, но, услышав эти слова, считал их разумными. Его просто избаловали, с детства растили как тепличное растение, из-за чего он стал таким. Пусть он пострадает снаружи, посмотрим, что он будет делать.

Ведь он, избалованный господин, не выдержит лишений и отсутствия денег, скоро не выдержит и вернется. Он не стал посылать людей на поиски, а стал ждать того дня, когда тот вернется и будет умолять его на коленях.

...

Когда Вэнь Гули добрался до того городка в Цзяннани, прошло уже три дня. Поезд шел три дня. Только что приехав с севера в этот влажный городок, он чувствовал себя еще не совсем привычно.

Они нашли одну деревню и с кормилицей поселились в ней. Деньги у них с собой были немалые, но и не слишком большие суммы. Вэнь Гули взял с собой вещи, которые можно было обменять на деньги — золото и драгоценности, наличных он не брал.